

париками. По прошествии же времени они становились париками и этого другого собственника. Парикия, таким образом, раздваивалась.

Как видно, мы сталкиваемся с явлением, которое было характерно для западных рентных отношений. Но в Византии зависимость парика от двух собственников выступала в специфической форме уплаты не собственно ренты, а налога, пожалованного в порядке предоставления податного иммунитета.

Что же касается тех случаев, когда парик-арендатор частновладельческих земель выпадал в XIII—XIV вв. в отличие от X—XI вв. из сферы государственной регламентации (пакт в этот период не присчитывался к ридзе), то не исключено, что наличие арендованных земель все же влияло на размеры телоса. Это влияние проявлялось, например, таким образом: в XIII—XIV вв. в отличие от X—XI вв. упряжка волов, как уже говорилось, подлежала специальному обложению и сбор с упряжки включался в телос. Однако при обложении крестьян, имевших очень большие наделы, упряжки, как и прочее имущество, исключая землю, не подлежали обложению. Это означает, что при отсутствии больших наделов и наличии упряжки крестьяне могли арендовать землю, и эта возможность учитывалась путем специального обложения упряжки.

Таким образом, если, с одной стороны, размеры налоговой ставки телоса, учитывавшей размеры различных видов имущества и ремесленной деятельности, отражают степень расслоения, то, с другой стороны, известно, что более зажиточные крестьяне платили сравнительно более низкие подати, чем менее зажиточные⁶. Это означает, что при обложении проводилась определенная социальная политика. Хорошо известны и не раз отмечались также факты нарушения при налогообложениях стандартных норм обложения податных объектов. (Правда, эти нормы имели ряд вариаций и могут быть названы стандартными лишь в условном смысле.) Нередки случаи прямого нарушения этих норм, т. е. случаи налогового произвола или налоговых льгот. В этих случаях налоговая ставка также неадекватно отражает имущественное положение.

Возможно, обложение париков телосом происходило следующим образом. Определялась некоторая налоговая сумма *ῥίσα χωρίου*, которая устанавливалась заранее сверху, а затем раскладывалась внутри общины в соответствии с числом домов и размерами земли. Если бы обложение велось строго в соответствии с размерами принадлежавшей крестьянам земли на парическом праве, то не имеющие такой земли не платили бы налога. Однако на самом деле они уплачивали подать, варьирующую в диапазоне между $\frac{1}{8}$ и 1 номисмой. Следовательно, при определении общей налоговой суммы учитывали и число очагов. И подать с очага — подымное (капникон) — составляла часть подати, взимавшейся с безземельных. Тот факт, что зажиточные парики платили телос по льготным нормам, объясняется, очевидно, тем обстоятельством, что при определении общей налоговой ставки деревни податные чиновники исходили из предположения о наличии у всех париков нормальных наделов. В действительности у некоторых оказывались наделы, превосходящие по размеру нормальный, а у других — наделы меньшей величины. Поэтому осуществлялась следующая процедура. Для того чтобы получить требуемую налоговую сумму, с безземельных, кроме сбора с очага, дома, т. е. кроме подымного, взыскивались сборы с движимого имущества и учитывались неземледельческие доходы. Что же касается зажиточных, то для получения общей налоговой суммы, причитающейся с деревни, достаточно было взыскать с них только поземельную подать и не взыскивать подымное (капникон), а иногда достаточно было взыскать только часть поземельной подати.

⁶ Хвостова К. В. Судьбы парикии и особенности налогообложения в Византии XIII—XIV вв. — ВВ, 1978, 39, с. 53.